
Содержание

«Труды...»-2020 (От редактора) 7

О ПРОШЛОМ И ПАМЯТИ : ВЗГЛЯД ИЗ 2020 г.

Ю.С. Пивоваров

Юрий Самарин и наше время 15

И.И. Глебова

От России петровской – к России петербургской : О культурных расколах и культурных революциях 30

И.И. Глебова

Ракурсы русской революции : Образы власти в культуре начала XX в. 49

Ю.С. Пивоваров

О трех Россиях XX века : К столетию большого русского исхода 72

О.В. Большакова

Испанка (1918–1920) : Невыученные уроки 82

ГОД 1917 : ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

И.К. Богомолов

Город в позднеимперской России. (Обзор) 109

И.К. Богомолов

Рец. на кн. : Российская революция 1917 года и ее место в истории XX века 122

И.К. Богомолов

Рец. на кн. : Великая российская революция 1917 г. в судьбах стран и народов мира 129

И.К. Богомолов

Рец. на кн. : Ayers D. Modernism internationalism and the Russian revolution .. 134

РОССИЯ И МИР В «ЭПОХУ–2020»

Ю.С. Пивоваров

О пандемии-2020 и демократии 141

Ю.С. Пивоваров

Россия на рубеже 2010–2020-х годов 147

И.Ю. Пешина, И.Г. Шаблинский

О свободе выражения мнения : ЕСПЧ – о деле российской журналистки .. 171

Ю.С. Пивоваров

Государство и диктатура 187

РАЗМЫШЛЕНИЯ, ЗАМЕТКИ, ПУБЛИЦИСТИКА

Ю.С. Пивоваров

The real life of Vladimir Lenin 195

Ю.С. Пивоваров

О русской интеллигенции 204

Ю.С. Пивоваров

Россия 1905–1917 : Ретроспективные фантазии и сожаления 209

Ю.С. Пивоваров

Историко-геополитические заметки 216

Ю.С. ПИВОВАРОВ

Сбережение интеллигенции 220

Ю.С. ПИВОВАРОВ

«Нас спасет поэзия» (О Бродском) 223

Сведения об авторах 229

Content

«Trudy...»-2020 (From the editor) 7

PAST AND MEMORY : WATCHING FROM 2020

Yu.S. Pivovarov

Yuri Samarin and our time 15

I.I. Glebova

From Peter's Russia – to St. Petersburg's Russia : Cultural Splits and Cultural
Revolutions 30

I.I. Glebova

Perspectives of the Russian Revolution : Images of Power in the Culture of
the Beginning of the XX Century 49

Yu.S. Pivovarov

Three Russians of the XX century : To the centenary of the Great Russian
Exodus 72

O.V. Bolshakova

Spanish flu (1918–1920) : Unlearned Lessons 82

1917 : A HISTORIOGRAPHICAL MOSAIC

I.K. Bogomolov

City in Late Imperial Russia. (Review) 109

I.K. Bogomolov

Review : The Russian Revolution of 1917 and its Place in the History of the
XX century 122

I.K. Bogomolov

Review : The Great Russian Revolution of 1917 in the Destinies of Countries
and Peoples of the World 129

I.K. Bogomolov

Review: Ayers D. Modernism Internationalism and the Russian Revolution 134

RUSSIA AND THE WORLD IN THE «ERA-2020»

Yu.S. Pivovarov

The pandemic and democracy 141

Yu.S. Pivovarov

Russia at the Turn of the 2010 s–2020 s 147

I.Y. Peshina, I.G. Shablinsky

Freedom of expression : the ECHR and the case of the Russian journalist 171

Yu.S. Pivovarov

State and dictatorship 187

REFLECTIONS, NOTES, JOURNALISM

Yu.S. Pivovarov

The real life of Vladimir Lenin 195

Yu.S. Pivovarov

About the Russian intelligentsia 204

Yu.S. Pivovarov

Russia, 1905–1917 : Retrospective fantasies and regrets 209

Yu.S. Pivovarov

Historical and geopolitical notes 216

Yu.S. Pivovarov

Saving the intelligentsia 220

Yu.S. Pivovarov

«Poetry will save us» (О Бродском) 223

Information about the authors 229

«ТРУДЫ...»-2020
(От редактора)

2020-й. Странный выдался год. Страшный. Можно спорить, когда для России начался XXI в. Для евро-атлантической части земной «вселенной» («Запада») – 11 сентября 2001 г. Теперь – *всеобщий* вызов: пандемия. Впервые эпидемия так стремительно (почти мгновенно) охватила весь мир и уже второй год удерживает его в таком напряжении (на грани срыва). А вот ее «двойник» и предшественник – «испанка» – настолько *не* поразила человечество; вошла в историю как один из контекстов Первой мировой. Ковид-19 иногда сравнивают с той войной (как с внезапной, полномасштабной, длительной атакой на человека, сколь беспощадной, столь и бессмысленной, в которой были перемолоты миллионы жизней). Да, после такого потрясения (если, конечно, будет «после») мир никогда уже не будет прежним.

В «Трудах...»-2020 мы, разумеется, не могли обойти эту тему: как человек/человечество реагируют на такие удары, справляются с ними, их «прорабатывают». Однако главным объектом исследования для нас остается Россия (мы же – россиеведческое издание). И здесь в 2020 г. произошли события, которые заставляют говорить о переходе страны, политического режима в новое качество. Закончился период, который во многом был определен синтезом двух исторических начал (наследий): позднесоветского (в широком смысле) и перестройки/«ельцинских» 90-х. Началась другая эпоха.

Главным героем 2020-го в США называют избирателя. 155 млн человек (рекорд) «пришли» (технологически по-разному) к избирательным урнам, чтобы подтвердить прочность американской демократии. То же можно сказать о России. И у нас ковид не помешал людям выйти к урнам (технологически разным) – правда, с прямо противоположным намерением: подтвердить – мы не в демократии (в недемократии) и пойдем дальше тем же путем. В Америке напомнили о себе 1960-е: расовыми волнениями, демонстрациями и бунтами, ростом социального влияния контркультур. У нас – 1930-е. У всех – свои «особые пути». Но выбирают их в конечном

счете народы: на дворе новое «восстание масс» – они определяют направление исторического движения (выбирают, какой будет эпоха).

2020-й вообще заставил задуматься о связи времен – о том, что они «не проходят» (не исчезают, не оставляя следа). Стоит только потянуть за нить – и время разматывается; в нашу жизнь входит, казалось бы, давно уже пережитое. XXI век никак не дает забыть о XX-м: большие юбилеи важнейших событий, постоянная переключка слов (а значит, явлений, проблем, намерений). Революция, диктатура, демократия, террор, война, «закат Европы», «самодержавие», пытки, политзаключенные, национализм, империализм – в современном словаре. В России (шире: на постсоветском пространстве) дыхание прошлого столетия ощущается особенно остро. Кажется, за нами пришел XX век – не осмысленный, не преодоленный, под которым мы не смогли подвести черту.

Архив столетия собран – мы знаем о XX веке очень много. А вот каким он был, чем он был для страны, по-прежнему не понимаем. Этим во многом (помимо политики и идеологии) объясняются и общественные «войны памяти», и властный эксперимент с «госправдой» (утверждение в качестве нормы некой «исторической правды» – через Конституцию и Следственный комитет). Смысловая разметка века не осуществлена. Прошло вот уже 30 лет после смены режима и попытки ценностной «перезагрузки», а мы все еще пользуемся старой, советской схемой¹. Возможно, поэтому (и поэтому тоже) перезагрузиться не удалось. «Системный блок» идентичностей остался прежним – откуда взяться «новому человеку»? И социальная практика, и социальная перспектива – все оттуда. Взгляд на

¹ Дело не только в том, что она «стара» – хотя важно и это: другие времена, новые поколения требуют своей истории. Ищут в прошлом то, что им интересно; задают ему свои вопросы – если не находят ответов, просто остывают к этой теме. Советский исторический проект еще и насквозь идеологизирован (тот режим пронизан идеологией; идеология – это ядовитый туман, который он напускал на общество, источник, который его напитывал). Он заточен исключительно под режимные задачи (инструмент власти, не более) – это исторический конструкт (конструкция), не история. Но живет этот продукт долго (отчего давно потерял свежесть – все больше походит на консервы). И это, конечно, не только заслуга пропагандистов (хотя им надо отдать должное – одни сочинили и распропагандировали, другие реанимировали, адаптировали, развили), но следствие лености и безразличия, какой-то просто вызывающей нищеты социальных запросов (в том числе этических и эстетических). А также особого, отчасти презрительного, отчасти подозрительного, отношения нашего массового человека к любым «переписываниям» (вообще к переменам) как опасному потрясению «основ», разномыслию/разномнению, к дискуссиям как к пустым «говорилям» (оттого, кстати, и не укладываются в российское сознание идеи парламента, партий, политической борьбы). Историю, как и политику, пишет у нас сильнейший (в прямом смысле: тот, чья сила не в слове, а в деле) – такой тип историописания отвечает социальной органике. Поэтому право на «историческую правду» чаще всего признается за властью – если она доказала, что сильна (побив оппонентов, сосредоточив в своих руках основные ресурсы, материальные и символические). А уж что она выдаст, то и принимается за историю, политику, выборы и т.п.

настоящее, его массовые оценки (что позволительно, а что нет, какие модели поведения приемлемы, нормативные образы власти, способы взаимодействия с нею, представления о себе и о стране) определены прошлым. И наоборот: чем круче на старый манер замешивается жизнь, тем сильнее потребность подтвердить правильность происходящего «правильной» (привычной, «единственно верной») концепцией истории¹. Но когда позади ищут только оправдания, впереди ничего не может быть. Так будущего не заслужить.

Выправить (подвергнуть сомнению, критическом анализу, ревизии) взгляд на XX век, использовать XX и XXI как своего рода двойную призму для изучения, интерпретации – в этом мы видим задачу «Трудов...» вообще и этого издания в частности. При этом, конечно, понимаем ограниченность своих возможностей (в равной степени – интеллектуальных и социальных, исследовательских и просветительских).

В фокусе этого выпуска – рубежные эпохи: конец XIX – начало XX столетия (времена Освобождения – Революции) и современность – переход из 2010-х в 2020-е. Наши авторы пытаются выявить главные тенденции (и те, что возобладали, и те, что действовали, но оказались отброшены, не реализовались во всей полноте), расширить традиционные о них представления, определить (или «переопределить») их место в российском развитии. Чтобы ответить на практические вопросы: на какой опыт следует ориентироваться сегодня, из чего исходить при формировании социальных перспектив.

«Труды...»-2020 полифоничны – разнообразие тем, жанров, исследовательской стилистики. Это соответствует идеологии издания: мы рассматриваем его как лабораторию, производящую информацию, идеи, подходы, как долгосрочную возможность для свободного разговора о России, ее истории и современности. Своеобразие данного выпуска – в том, что

¹ Подчеркнем: советская история (XX в.) при этом преимущественно героизируется («Красный проект»!) и «нормализуется» (что бы в ней ни случилось, оценивается как нормальное, возводится в разряд нормы: ленинское – через борьбу с эксплуататорами за счастье «пролетариев всех стран», сталинское – через «модернизацию» и великодержавие), а «царская» (за исключением военных побед, да и то не всех – выборочно) подтягивается в качестве «подходящего» фона для современности. Так, диктаторские метаморфозы нынешней власти поддерживаются песнями и плачами о «вечном самодержавии», полицейщине и политическом сыске, а массовая индифферентность (стратегии подданничества, уклонения / отчуждения от социально-политических дел, выбора, выборов, доминирующие в обществе) объясняется тяжелым наследием крепостничества, отсталостью, забитостью и проч. Тем самым современность получает историческую легитимацию и даже отчасти приобретает приличный вид (раз все уже было – и больше при царях, чем при генеральных секретарях, то что ж поражаться, раздражаться, стыдиться). При этом преемственные связи как будто нарочно перепутываются; российский XXI в. отрывается от советского XX, т.е. от своих подлинных корней.

внимание авторов нацелено в основном на внутреннюю сторону изучаемых явлений. Несколько утрируя, можно сказать, что в нем первенствует интерпретация – не «архив» (если понимать его как собрание фактов, событий, источников).

За этим – не исследовательский произвол (волюнтаризм), но – метод, определенная методология. Р.-Дж. Коллингвуд различал внешнюю и внутреннюю стороны любого действия, трактовал его как единство этих двух аспектов¹. Внешняя сторона есть совокупность неких фактов, внутренняя – лежащие в их основе мотивы, намерения, контексты событий (короткие и долгие) и проч.² Близок к такому пониманию и И.Г. Дройзен (J.G. Droysen): он рассматривал действия или факты как формы, в которых реализуют себя идеи. Поэтому для него главной задачей историка (и исследователя вообще) была реконструкция этих идей³. Когда исследователь объясняет какое-то действие или какой-то факт, он идет от внешней стороны к внутренней. В конечном счете все определяется интерпретацией, которая зависит от позиции, мировоззрения, опыта изучающего. При этом чем больше мы знаем о внешней стороне факта или действия (о разного рода социоисторической «физике»), тем надежнее, достовернее будет наше понимание интенций (того, почему это произошло) и значения происшедшего.

Формируя «Труды по руссиеведению», мы исходим именно из этой методологической посылки.

Что же касается интереса к теме «прошлое/память», характерного для этого выпуска (как, впрочем, и для всех наших изданий), то мы полагаем, что она имеет не только – и даже не столько – ретроспективное («историко-архивное») значение. «Выбор» прошлого – занятие вполне практическое; в нем соединяются политика, идеология, этика, эстетика, право. В конце концов, это одна из возможностей (способов) проектировать («сочинять») Россию, вырабатывать позиции на будущее.

Поэтому, предлагая вниманию читателя «Труды...»-2020, мы хотели бы напомнить о некоторых исторических событиях, в которых как бы за-

¹ См.: Lorenz Ch. Konstruktion der Vergangenheit: Eine Einführung in die Geschichtstheorie. – Köln : Bohlau Verlag GmbH & Cie, 1997. – S. 97–99.

² В этом фундаментальное различие между исторической наукой (наукой историей), всем комплексом (комбайном) социогуманитарных и общественных наук – и науками естественными (о природе), в которых объект исследования имеет лишь внешнюю сторону. У молекул и атомов, при всем старании, невозможно обнаружить внутреннее содержание (сущности) – здесь не место «метафизике». Вроде бы, не место – хотя, наверное, и в науках о природе она все-таки неизбежна (в виде прогнозов, гипотез, больших и малых теорий и т.п.).

³ См.: Lorenz Ch. Op. cit. – S. 99.

шифрованы вопросы к современности¹. Сорок лет назад (в сентябре 1980 г.) в Польше возникла Солидарность. Объединение людей, желающих быть свободными. В 2020-м это звучит как вызов. Образ же года 2021-го будет во многом определять общественная реакция на следующие национальные юбилеи: 160 лет отмены крепостного права (манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» – свободу получила основная часть тогдашнего народонаселения страны), 65 лет XX съезду (СССР отказался от массовых репрессий как способа социального строительства; слова «осажденная крепость», «внутренний враг», «враждебное окружение» перестали доминировать в политическом лексиконе) и 30 лет августовской, 1991 г., революции, «потрясшей мир», придавшей эмансипационный импульс развитию. Наше будущее – в прошлом?

И.И. Глебова

¹ И так как речь идет о юбилеях, заметим: предыдущее наше издание – «Россиюведение: В поисках утраченного времени» (2019), по существу, еще одни «Труды ...», тематические – было целиком посвящено этой проблематике, связывающей прошлое с настоящим, историю – с политикой, пропагандой, презентацией, властное – с общественным.

**О ПРОШЛОМ И ПАМЯТИ :
ВЗГЛЯД ИЗ 2020 г.**

Ю.С. ПИВОВАРОВ

ЮРИЙ САМАРИН И НАШЕ ВРЕМЯ

Аннотация. Этот текст посвящен выдающемуся мыслителю и реформатору Ю.Ф. Самарину (1819–1876). Основное внимание уделяется его вкладу в подготовку освобождения крестьян от крепостного права и связанной с этим организацией местного самоуправления. В работе подчеркивается актуальность фигуры Самарина для нашего времени.

Ключевые слова: Самарин, освобождение крестьян, самоуправление, реформа, община.

В мужиках же только барин
Юрий Федорович Самарин.
Н.П. Огарев

Осип Манделъштам призывал поставить по всем городам Советского Союза памятники Михаилу Зощенко, писателю, который в полной мере отразил советскую жизнь 20-х годов. Вслед за великим поэтом предлагаю во всех городах России поставить памятники Юрию Самарину.

Но кто это? – недоуменно спросит читатель. – Самарин? – Не знаю.

Два года назад (апрель 2019 г.) исполнилось двести лет со дня его рождения. Но по личным обстоятельствам (болезнь) я не мог тогда напомнить о нем. Делаю это сейчас.

Самарин принадлежал к старинному дворянскому роду. Его отец был очень богат и служил в должности шталмейстера при дворе вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Мать – урожденная княжна Нелединская-Мелецкая (ее отец, Ю.А. Нелединский-Мелецкий, – поэт и сенатор). Крестными родителями Юрия Самарина были Александр I и Мария Федоровна. В 1826 г. семья переезжает в Москву. Мальчик получает блестящее домашнее воспитание; в десять лет свободно говорит по-французски и по-немецки, а также на латыни. При этом до семи лет не знал по-русски. Нанимали учителей. Типичная ситуация в аристократических семьях того времени. В 1835 г. поступает в Московский университет

на словесное отделение. Среди его сокурсников – К.С. Аксаков (на всю жизнь ближайший друг и конфиденгент Юрия Федоровича), Ф.И. Буслаев, М.Н. Катков, С.М. Соловьев и др. Но и среди этих блестящих людей, в недалеком будущем составивших славу русской культуры, по общему признанию профессоров (например, М.П. Погодина) и студентов, Самарин явно выделялся.

Константин Сергеевич Аксаков ввел своего друга в литературные салоны Москвы, переживавшие тогда эпоху расцвета. Здесь Самарин знакомится с Гоголем и Лермонтовым, Чаадаевым и Герценом, А.С. Хомяковым и Т.Н. Грановским, И.В. Киреевским и Н.П. Огаревым. Здесь, по сути дела, его второй – и не менее важный, чем Московский, – университет. С 1840 по 1843 г. он работает над магистерской диссертацией «Стефан Яворский и Феофан Прокопович». Для него это время вхождения в богословскую и историческую проблематику, но и – глубокого увлечения гегельянством. После блестящей защиты диссертации Самарин, исполняя желание отца, уезжает на службу в Петербург, где зачисляется в Министерство юстиции. Он находит в столице новый круг знакомых – П.А. Вяземский, В.Ф. Одоевский, семья Карамзиных, А.О. Смирнова. Небременная служба позволяет ему углубленно заниматься русской историей.

В 1846 г. начинается новый этап жизни Юрия Федоровича. Около двух лет он проводит в Риге в качестве чиновника Министерства внутренних дел. Здесь Самарин впервые прикасается к теме, которая впоследствии станет одной из центральных в его творчестве – национальный вопрос в многонациональной Российской империи. Результатом этой «командировки» будут знаменитые самаринские «Письма из Риги» (их читали и активно обсуждали в салонах обеих столиц), за которые он поплатится заключением (правда, всего 12-дневным) в Петропавловскую крепость. 17 марта 1849 г. он привозится комендантом этой крепости (двоюродным прадедом В.В. Набокова; генерал делал все, чтобы облегчить пребывание Юрия Федоровича в тюрьме) в кабинет Николая I в Зимний дворец. Император прощает Самарину его смелость иметь мнение, расходящееся с официальной точкой зрения. Эта позиция квалифицируется Николаем Павловичем как «антинемецкая» (в своих «Письмах» молодой чиновник выступал против засилья остзейских помещиков-немцев в балтийских губерниях – полагал это опасным для социально-политического «равновесия» в Российской империи).

Далее следуют годы службы в провинции (Симбирск, Киев), первых теоретических подходов к решению крестьянского вопроса, интенсивной духовной дружбы с вождем славянофилов А.С. Хомяковым.

В начале нового царствования Самарин активно включается в общественную жизнь. Он входит в окружение великой княгини Елены Павлов-

ны, чей салон был центром соби́рания либеральных сил (К.Д. Кавелин, Н.А. Милютин и др.). Его записку по крестьянскому вопросу с одобрением читает Александр II. В 1859–1860 гг. Самарин принимает непосредственное участие в работе редакционных комиссий, призванных подготовить отмену крепостного права. В 1863–1864 гг. вместе с Н.А. Милютиным и князем В.А. Черкасским находится в Варшаве с миссией по умиротворению дел в Царстве Польском (после восстания 1863 г.). (Кстати, даже антирусски настроенные польские политики высоко оценили деятельность этой троицы.)

Последние годы жизни Самарин много сил отдает работе в земствах – Самарском и Московском, продолжает публицистическую деятельность, интенсивно пишет на богословские, исторические и политические темы.

...А теперь попробуем объяснить, почему автор этого текста утверждает: Юрий Федорович достоин того, чтобы в каждом российском городе ему был бы поставлен памятник. Во всех размышлениях Самарина конца 40-х – начала 50-х годов сквозит одна настойчивая мысль: о необходимости социальных реформ в России. Причем с очевидностью на первое место выходила проблема крепостного права и крестьянской общины. Над ее разрешением бились многие умы XIX столетия; в определенном смысле она была осевой для общественно-политического развития России.

Ведущий отечественный конституционалист начала XX в. барон Б.Э. Нольде писал: «Та сумма правовых отношений, которая обнималась общим именем крепостного права, была в России того времени гораздо больше бытовым фактом, чем правовой формулой. Было ясно одно: помещик, крестьяне и земля составляли неразрывное целое, но ни законы, ни, главное, правосознание не отдавали себе ясного отчета о том, какова природа прав помещика в отношении сидящих на земле крепостных... Только систематический ум самого крупного русского юриста XIX века Сперанского подходил к установлению отсутствующей правовой формулы, но его рассуждения оставались под спудом, а в глазах никогда не отличавшегося отчетливостью своего правосознания русского общества крепостные отношения рисовались в правовом смысле необыкновенно расплывчато и туманно. Те, кто, как Самарин, подходил впервые к вопросу об освобождении крестьян, сталкивались прежде всего с необходимостью так или иначе квалифицировать крепостные отношения, чтобы определить, чьи и какие права подлежат отмене, изменению или сохранению...» [Нольде, 1926, с. 52].

Надо сказать, что в эпоху Николая I – императора, ясно сознававшего весь вред и опасность сохранения крепостного права, функционировали

различные секретные комитеты. Им поручалось найти соответствующую юридическую форму, которая позволила бы осуществить эмансипацию большей части населения империи, не подорвав ее основ. Курьезно, что одной из важнейших преград к решению этой задачи было укрепившееся в царствование Николая Павловича убеждение, что власть помещиков над крестьянами является по своей природе частноправовой – русской разновидностью института частной собственности. Посягать же на последнюю считалось невозможным, поскольку тем самым ставился под вопрос господствовавший *status quo*. Таким образом, если в Европе, вообще на Западе, частная собственность была обязательным атрибутом передовых социальных порядков, то в России – одним из главных инструментов консервирования пережившей себя архаики.

Генезис крепостного права рисовался Самарину следующим образом. У славянских народов крепостные отношения сложились не путем завоевания и нашествия чужого племени, сопровождавшегося, как это было в Западной Европе, экспроприацией земель. Первоначально владение землей у них было простым, «всеобщим доступным фактом», не имевшим характера права собственности. Затем государство во имя охраны общих интересов объявило о своем праве распоряжаться землей, которой фактически владели крестьяне.

Эта юридическая формула Самарина, которого знаменитый американский исследователь Николас Рязановский называет «ведущим теоретиком славянофильства по крестьянскому вопросу» [Riasanovsky, 1952, p. 138], произвела серьезное впечатление на его современников. «Сейчас... надо сделать усилие, чтобы отдать себе отчет, насколько смелым и новым было такое понимание крепостных отношений и какие огромные практические последствия оно за собой влекло. Но эти, кажущиеся... теперь почти азбучными истины, извлекаемые из любого учебника по истории русского права, тогда были целым умственным переворотом...» [Нольде, 1926, с. 53].

А.С. Хомяков (ближайший духовный друг и наставник Юрия Федоровича), для которого необходимость освобождения крестьян вытекала из его религиозно-нравственных воззрений (христианин может быть рабом, но не рабовладельцем) и чья внутренняя цельность и органичность «заражали» Самарина и «сковывали» в одну цепь этапы его «умственной жизни» [Нольде, 1926, с. 56], так оценил открытие своего соратника: «Спасибо Вам за то, что Вы попали на ту юридическую формулу, которая выражает тот смысл с наибольшей ясностью и отчетливостью, именно на существование у нас двух прав, одинаково крепких и священных: право наследственного на собственность и такого же права наследственного на пользование. В более абсолютном смысле в частных случаях право собственности истинной и безусловной не существует: оно пребывает в са-

мом государстве (великой общине), какая бы ни была его форма... Всякая частная собственность есть только более или менее пользование, только в разных степенях» [Хомяков, 1902, с. 232].

Хомяковское понимание природы собственности, конечно, не вполне релевантно и устарело. Но в середине XIX в. оно как бы санкционировало и оправдывало государственную реформу крепостных отношений. Государство получало мандат на преобразование общественных основ. И этот мандат вручал ему Ю.Ф. Самарин.

Вообще же, согласно Хомякову, разница между правом помещика и правом крестьянина – «только в степени». «Таково отношение юридическое, вышедшее из обычая или создавшее обычай, и кто хочет этому отношению нанести удар, тот хочет возмутить все убеждения, всю сущность народа» [Хомяков, 1902, с. 262].

Подчеркнем: Самарин отрицал то, что крепостное право есть «логический вывод» из развития «истинных русских принципов». Он называл крепостное право «страшной случайностью», «побочным» результатом деятельности администрации. Рабство, полагал он, было введено в России двумя законодательными мерами: запрещением крестьянам покидать землю (Борис Годунов) и уравниванием крестьян с холопами во время первой переписи населения (Петр I). (Я бы добавил Соборное уложение 1649 г. царя Алексея Михайловича.)

Да, впоследствии наука отвергла самаринскую концепцию генезиса крепостных отношений. Так, к примеру, В.О. Ключевский полагал ошибочным мнение Самарина, согласно которому крепостное право есть «случайность», и называл его «правом, исторически сложившимся», имеющим своей целью «создание оседлого крестьянства, работающего на земле». По убеждению Ключевского, «право крестьян на землю не есть следствие исконного и бесспорного владения землей, как думал Самарин... а последовательно вытекает из поземельного прикрепления, видоизмененного, но не отмеченного последующим законодательством и искаженного помещичьей практикой» [Ключевский, 1959, с. 161]. Вместе с тем Ключевский высоко ценил теоретический уровень разработки Самариним этой темы. «В заметках, наблюдениях и проектах Ю.Ф. Самарина находим, может быть, лучшее, что было говорено и писано о крепостном праве у нас...» [там же, с. 110]. О том же говорил Б. Нольде. «В свете современных научных данных конструкция Самарина не достоверна. Масса будущих крепостных людей садилась в далеком прошлом на чуждую землю, и помещичье право на эту последнюю вовсе не воздвигалось поверх крепостного владения пустопорожними землями. Но в то время... прошлое крепостного права еще не было достаточно исследовано» [Нольде, 1926, с. 80–81].

Самарин настаивал на отмене крепостного права и по той причине, что оно резко ослабляло позиции России во внешнем мире. Так, поражение в Крымской войне (1853–1856) было, по его мнению, следствием ее социальных недугов, и прежде всего крепостного права. В 1856 г. он писал: Россия сдалась «не перед внешними силами западного союза, а перед нашим внутренним бессилием» [Самарин, 1878, с. 28].

Дело внутреннего обновления России, утверждал Самарин в записке о крепостном праве, выдвинувшей автора в первые ряды русской политической мысли¹, требует немедленного разрешения. Сдавленные общественные потребности, говорит он в этой записке, встречая отпор, уходят вглубь и, созревая в тишине и мраке, перерождаются там в темные страсти, такие же «неразумные» и неодолимые, как стихийные силы. Никто не сможет сдержать взрыва этих страстей, и он надолго потрясет основы общества. Вопрос крепостного права, отмечал Самарин, еще не вступил в эту стадию своего развития, но находится на ее пороге.

Влияние существующих отношений налагает свое клеймо на нравственную физиономию всех «элементов» русской жизни – помещиков, «вооруженных» крепостным правом, чиновников, охраняющих его, крестьян, связанных им. «Помещик, не встречая отпора в равномерных правах людей, его окружающих, ежечасно подвергается искушению дать волю своему произволу. Народ покоряется помещицкой власти, как тяжелой необходимости, как насилию, как некогда покорялась Россия владычеству Монголов в чаянии будущего избавления». Но эта покорность унижает нравственность человека. Она развивает в крестьянах притворство, обман, лесть. Самарин пишет об этом с присущим ему блеском и остротой стиля: «От того крестьяне почти во всех обстоятельствах жизни обращаются к своему помещику темными сторонами своего характера. Умный крестьянин в присутствии своего господина притворяется дураком, правдивый бессовестно лжет ему прямо в глаза, честный обкрадывает его и все трое называют его своим отцом» [Самарин, 1878, с. 17].

Таким образом, исторические, социальные и нравственные предпосылки освобождения крестьянства были налицо. При этом Самарин был убежден: крестьянская реформа должна иметь национальный характер, т.е. сохранить общину, являвшуюся важнейшим компонентом духовной и общественно-политической жизни русского народа. Подобно другим славянофилам, он полагал, что община, пронизанная духом соборности, есть залог, принцип и отличительная черта исторического бытия России.

¹ «В глазах той части Петербурга, которая стояла за крепостную реформу, Самарин делается общепризнанным вождем нечиновной передовой России, первым ее авторитетом по крестьянскому делу» [Нольде, 1926, с. 84].

В общине Самарин видел возможность «органического примирения начала личности с началом объективной и для всех обязательной нормы» [Самарин, 1877, с. 63]. Однако на долю Юрия Федоровича, человека практической складки, выпала и задача политического, социального и экономического обоснования необходимости сохранения общины.

Она была ценна для него как единица хозяйственная; община дает разумную и справедливую основу всему экономическому быту. Благодаря ей каждый крестьянин получает долю в мирской земле, пропорциональную и его рабочим силам, и его потребностям. Община устанавливает тот предел дробления земли, который соответствует требованиям полевого хозяйства. Упразднить общины – значит разбить и перестроить все деревни и перерезать все поля. Вместе с тем Самарин видит временную и национальную ограниченность общины. И не пытается предлагать и навязывать ее другим народам. Община была «закономерна» в современной ему России так же, как крупное земельное владение в Англии и мелкое крестьянское хозяйство во Франции.

Общинное землевладение, по Самарину, имеет и свои недостатки; в нем таятся противоречия, свидетельствующие о том, что эта форма не вечна и должна измениться на пути «свободного развития». При этом он предупреждал: «Если в будущем хозяйственной общине суждено перейти в личное владение, то этот переход совершится естественно» [Самарин, 1878, с. 71].

Б.Э. Нольде следующим образом оценивает самаринскую концепцию общины: «Община для Самарина есть прежде всего форма разрешения социального вопроса, русское национальное воплощение начал общественной справедливости. Он нашел в ней то, что напряженно искал с тех самых пор, как после чтения Лоренца Штейна¹ и особенно после 1848 г.² социальный вопрос стал пред ним во весь рост. Но Самарин не был утопистом по своей методе. Он не был способен увлекаться социалистическими абстракциями...³ Он ценил общину, потому что она ему представлялась... бесспорной реальностью русского хозяйственного быта. Но тот же реализм не позволял ему закрывать глаза и на невыгоды общинного владения. Он хорошо сознавал, что переделы земли вредны для улучшения земледелия и что зажиточные и исправные крестьяне являются противниками общинного владения. Ему ясно, однако, что невыгоды общинного землепользования не перевешивают пока ее выгодных сторон и что ради этих

¹ Выдающийся немецкий теоретик социал-реформизма.

² Имеется в виду европейская революция 1848 г.

³ Как, к примеру, его друзья-оппоненты А.И. Герцен, К.Д. Кавелин, как впоследствии народники и эсеры.

невыгод община не может быть разрушена. Но он не хочет предрешать будущее и готов допустить, что со временем решение вопроса об общине будет иным» [Нольде, 1926, с. 97].

Была и еще одна важная причина, по которой Самарин так активно выступал за сохранение общины после отмены крепостного права: революционные принципы легче осуществлять в мире самостоятельных личностей, нежели в деревенской общине. Разрушение общины, считал он, приведет к тому, что крестьянин, лишенный привычных, веками устоявшихся условий и связей, один на один с миром конкуренции и наживы, потеряет тот нравственный ориентир, которым он сызмальства обладал в общинном быту и в конечном счете станет жертвой каких-нибудь новых отрешёвых и пугачевых.

Как уже указывалось, Самарин был сторонником социальных реформ. Стремясь к социальному синтезу, он не искал решения проблем на путях полного отрицания того или иного компонента общественной жизни. Поэтому, несмотря на свое в достаточной степени критическое отношение к социально-политической роли дворянства (к верхушке которого он сам принадлежал), Юрий Федорович заботился и о том, как не разорить помещиков. Самарин полагал, что помещики и крестьяне издавна сжились, их взаимные интересы тесно переплелись, за ними лежит «целое историческое прошлое», которым обуславливается настоящее их положение и которого нельзя не принимать во внимание при определении их будущности. «Нам, – писал он, – предстоит теперь разрешение не арифметической задачи регулирования, а социального вопроса первой величины: улучшить быт крестьян, не разоряя помещиков. Если ни то ни другое словие не может быть принесено в жертву и если нельзя предложить им разойтись в разные стороны, то остается принять за основание, при определении обязательных их отношений друг к другу, обоюдные их потребности, иными словами: арифметические выводы подчинить условиям социальной сделки, для обеих сторон безобидной...» [Нольде, 1926, с. 109].

В.О. Ключевский когда-то сказал: 19 февраля 1861 г. была объявлена реформа, разрешившая величайшую задачу нашей истории. И в основных своих чертах она была осуществлением самаринской концепции.

Сохранение общины после отмены крепостного права Самарин связывал с введением системы самоуправления. Он твердо выступал против планов, построенных «на признании отдельности административной и хозяйственной единиц крестьянского самоуправления...» [Нольде, 1926, с. 114]. Юрий Федорович писал, что «не понимает юридического положения, отдельного от хозяйственного быта. Отделение хозяйственной единицы от административной на практике невозможно по неразрывной связи

интересов, сопряженных с общинным владением земель в России, почти повсеместно существующих, и тех обязанностей крестьян к правительству, которые находятся в прямом отношении к этому владению» [Нольде, 1926, с. 115].

Самарин предупреждал: если подобное отделение произойдет, то крестьяне не поймут и не поддержат вводимой системы самоуправления. Они примут на себя новые обязанности как тяжелую повинность. Тем самым будет дискредитировано самоуправление – один из важнейших принципов общинного бытия.

Самоуправление общины, полагал он, – это хорошая школа первичного политического опыта и «политической культуры» для крестьян. В условиях эффективно функционирующего самоуправления государство, по Самарину, сможет подготовить граждан к пониманию общего блага и необходимости общественной деятельности. Поэтому вмешательство бюрократии в деятельность органов самоуправления должно быть сведено до минимума. Крестьянам надо учиться решать вопросы собственной жизни самостоятельно, без поводырей, особенно таких духовно чуждых, как бюрократия.

Лучшей формой самоуправления на уровне уезда и губернии Самарин считал земство. Именно в выборных земских органах все сословия России (дворяне, духовенство, купцы, мещане, крестьяне) должны объединиться и сообща приступить к социально полезной деятельности. Причем, по его мнению, прошло время сословных привилегий; земство есть орган представительства интересов всего народа. В связи с этим он выступал против претензий на дворянскую исключительность, призывая помещичий класс отказаться от попыток сохранить прежние преимущества.

Самаринский проект земства предполагал равные выборы по четырем категориям (дворяне, духовенство, горожане и крестьяне), но принцип равенства распространялся не на отдельные личности, а на социальные группы. Так, крестьяне, например, могли выдвигать своих представителей только общиной, а дворяне – дворянским собранием. При этом соблюдалось юридическое равенство сословий. Их равноправие при выборах в земства привело бы к «всесословности» пореформенного русского общества. Цензы не предусматривались.

Самарин был глубоко убежден в том, что Россия еще не «созрела» для принятия конституции. Указывая на неаккуратное осуществление «местными людьми» своих прав по проведению крестьянской реформы, он писал: «Нет, не верится, чтобы была готовность трудиться, действительно и серьезно трудиться на общерусском деле, когда мы равнодушны

к делу местному, губернскому; не верится, чтоб были наготове для дела губернского, когда для дела уездного не хочется запрячь саней и проехать тридцать верст на морозе. Наша современная деятельность не только не переливает через края, в которых она заключена, а совершенно наоборот, далеко еще не наполнила отведенного ей простора». Конституционные требования для Самарина – или «ребячество», или – эта оценка особенно для него характерна – «полусознательная сделка с совестью, упрекающая нас в распущенности и лени» [Нольде, 1926, с. 127].

Но если бы даже конституция в России была принята, то она, по убеждению Юрия Федоровича, стала бы злом и ложью. Злом – потому, что усилила бы централизацию. Петербург, центр самодержавия, тяжел для России; Петербург, центр конституционного правительства, задавил бы ее окончательно. Ложью – потому, что народная масса оставалась бы вне новой государственной организации. «Народной конституции у нас пока еще быть не может, а конституция не народная, т.е. господство меньшинства, действующего без доверенности от имени большинства, есть ложь и обман» [Самарин, 1887, с. 556]. С нас достаточно псевдопрогресса, псевдопросвещения, псевдокультуры, говорит Юрий Федорович; храни нас Бог от псевдосвободы и псевдоконституции.

Протест Самарина против различных псевдо, не выработанных в ходе собственного исторического развития, лишен всякой тени политической метафизики. Для него самодержавие не есть догмат. Он не признавал теории *de jure divino*, созданной западной схоластикой и православным духовенством. Тем более не признавал эту теорию, когда ее брали на вооружение с целью осуществления собственных эгоистических и честолюбивых планов. Юрий Федорович называл богохульством утверждение, согласно которому в силу божественного закона верховная государственная власть принадлежит какой бы то ни было династии, по праву ей прирожденному, что целый народ отдан Богом в крепостную собственность одному лицу или роду. «Спаситель и апостолы создали Церковь и дали человечеству учение об отношении человека к Богу; но они не создавали государственных форм и не писали конституции» [Самарин, 1887, с. 557]. Вот как комментирует эти воззрения Самарина его лучший биограф: «Каждый народ выбирает себе политическую форму по своим потребностям; если в России должна сохраниться неограниченная монархия, то потому, что, по глубокому убеждению Самарина, в этом заключается потребность страны. Его выводы – выводы трезвого политика, чуждого всякого догматизма...» [Нольде, 1926, 178].

Здесь важно подчеркнуть: Самарин выступал не против конституции вообще, а отвергал ее по причине несвоевременности для России 60–70-х годов XIX в. В его политической лексике наиболее употребляемые слова: «постепенно» и «шаг за шагом».

Он никогда ничего не оценивал «вообще» и «навсегда» и в своих рекомендациях исходил из органики исторического развития и анализа условий эпохи. Поэтому вопрос о том, возможны ли в будущей России основополагающие политические изменения (включая принятие конституции), оставлял открытым.

Необходимо отметить, что Юрий Федорович выступал не только против конституционализма и парламентаризма дворянского образца. Он боролся против любых попыток ограничения верховной власти, из каких бы слоев общества они ни исходили. Особенно же опасался установления власти «необразованных» крестьян. Отчужденные от других слоев русского общества и потому не обладающие опытом и навыками социального общежития, крестьяне (впрочем, и другие сословия) пока не способны к сотрудничеству в государственных учреждениях. Социальный, политический, административный опыт, который дает участие в деятельности органов местного самоуправления, поможет «простому» народу и образованным классам прийти к пониманию таких обязательных понятий, как «совместная политическая ответственность», «национальная политическая воля» и т.д. И только тогда в России, построенной снизу доверху по принципу самоуправления, можно будет обсуждать проблему законодательного собрания.

Юрий Федорович Самарин умер в конце марта 1876 г. в Берлине от заражения крови. Умер внезапно, будучи человеком еще далеко не старым, «полным энергии и бодрости» (как замечает его биограф), умер в полном одиночестве посреди случайных людей в случайной больнице, под чужим именем, не успев причаститься. – «Священник приезжает, но находит его уже в беспомощности» (А.И. Кошелев). Церковь при русском посольстве не впускает тело усопшего (нет документов, подтверждавших, что это Ю.Ф. Самарин; но его хорошо знали в лицо – знаменитый человек!), и он отпевается в протестантской кирхе.

Представляю, как тяжело он уходил, как одиноко и беспомощно – среди чужих людей, в чужом краю. И никто в этой случайной больнице не знал, кем является этот умирающий господин.

Нет, Германию, Берлин Самарин любил, много раз посещал, прекрасно говорил по-немецки. С симпатией и интересом десятилетиями наблюдал развитие немецкого дела. Однажды в Берлине, выступая перед теми, кого сегодня назвали бы «представителями элиты», Юрий Федорович сказал, что Россия готовится проводить кардинальные преобразования и за пример себе берет прусские реформы начала 1800-х годов. Они превратили Пруссию из «*Militärstaat*» (военного государства) в «*Bildungsstaat*»

(государство образования). Ведущими реформаторами были бароны фон Штейн и Гарденберг. (Самарин так и сказал: «Мы будем строить на этом камне». Камень по-немецки – der Stein. Прозрачная игра слов и совершенно очевидный смысл.) – Итак, учиться у Пруссии, Германии, Европы. Казалось бы, в устах славянофила это звучало странно! Ни в коем случае! Все они были горячими поклонниками Европы, мыслителями с глубоким европейским образованием. Эти люди подтверждали идею Ф.М. Достоевского, что русский тем более русский, чем более он европеец (роман «Подросток», Версиров).

...И все же, все же. Русский аристократ, подмосковный и самарский помещик, житель Петербурга и Москвы, крупнейший социальный реформатор, крестный сын императора Александра I и императрицы-матери Марии Федоровны... Этот крупный православный богослов остался без причащения и отпевания в православном храме...

Но смерть Ю.Ф. Самарина неожиданно производит сильное (такого еще не было!) движение в обществе. Мемуарист говорит о мощном «сочувствии ему, заявленном обществом и печатью и в Москве, и в Петербурге. Все газеты и журналы, без всякого различия мнений, сожалели об утрате скончавшегося и говорили о его значении для России, о его трудах и заслугах. Речам и статьям по этому поводу не было конца. На панихиды в Петербурге и Москве стекались со всех концов городов и знакомые, и незнакомые. На похоронах в Москве было стечение людей огромное, и только блистал своим отсутствием представитель власти – московский генерал-губернатор (говорят, что он из Петербурга получил телеграмму, воспрещавшую ему быть на похоронах).

Умирили и прежде значительные мыслители и деятели, даже такие, как Хомяков и Гоголь... Но общество и печать относились к ним холодно, и только на время умолкали осуждения и насмешки со стороны противников насчет мнений покойников. Но по случаю кончины Самарина едва ли не в первый раз общество живо высказало сочувствие к скончавшемуся общественному деятелю, а печать забыла прежние распри и разногласия и соединилась в воздаянии покойному заслуженной похвалы. Много этому содействовало то, что Самарин печатал многие свои произведения за границей и был если и не гоним, то заподозрен и нелюбим правительством...

Похороны Погодина были многолюдны и торжественны. Но тогда хоронили тайного советника, разных орденов кавалера, заслуженного профессора, академика и никогда не бывшего в оппозиции в отношении к правительству. Все власти принимали участие в церемонии... Теперь предавали земле коллежского советника, не принявшего ордена Св. Владимира, ему данного за общественную службу, и оставшегося более 30 лет в частной жизни» [Русское общество..., 1991, с. 175–176].

Реакция русского общества на смерть этого человека была просто ошеломительной. В мартовском 1876 г. выпуске «Дневника писателя» Ф.М. Достоевский сказал: «А твердые и убежденные люди уходят: умер Юрий Самарин, даровитейший человек, с неколебавшимися убеждениями, полезнейший деятель. Есть люди, заставляющие всех уважать себя, даже несогласных с их убеждениями. “Новое время” сообщило о нем один весьма характеристический рассказ. Еще так недавно, в конце февраля, в проезд через Петербург, Самарин успел прочесть в февральском номере “Отечественных записок” статью князя Васильчикова “Чернозем и его будущность”. Эта статья так подействовала на него, что он не спал всю ночь: “Это очень хорошая и верная статья (сказал Самарин наутро своему приятелю). Я ее читал вчера вечером, и она произвела на меня такое впечатление, что я не мог заснуть; всю ночь так и мерещилась страшная картина безводной и безлюдной пустыни, в которую превращается наша средняя черноземная полоса России от постоянного, ничем не останавливаемого уничтожения лесов”.

“Много ли у нас найдется людей, которые теряют сон в заботах о своей родине?” – прибавляет к этому “Новое время”. Я думаю, что еще найдутся, и кто знает, может быть, теперь, судя по тревожному положению нашему, еще больше, чем прежде. Беспокоящихся людей, в самых многообразных смыслах, у нас всегда бывало довольно, и мы вовсе не так спим, как про нас утверждают; но не в том дело, что есть беспокоящиеся, а в том, как они судят, а с Юрием Самариним мы лишились твердого и глубокого мыслителя, и вот в чем утрата» [Достоевский, 1981, с. 102].

Так кто же такой этот Юрий Самарин, о ком дружно жалело общество 70-х годов XIX в. и о котором практически ничего неизвестно современным «образованным русским»?

Весьма точную характеристику дает ему немецкая исследовательница Г. Хукке, посвятившая его жизни и творчеству обширную монографию. Она называет Самарина «блистательным представителем русской духовной жизни XIX столетия, который около 30 лет играл одну из главных ролей в общественной жизни страны» [Hucke, 1979, S. 9]. По словам Г. Хукке, «ни один из его современников не был одновременно столь авторитетен во всех трех сферах, определивших русскую историю идей XIX в.: он не только был признанным богословом., но и внес значительный вклад в русскую историческую мысль, и, наконец, он принадлежал к той категории творцов социальных реформ, чьи идеи реализуются на практике» [Hucke, 1979, S. 14–15].

В заключение – два пояснения: к названию текста и эпиграфу. Почему «Юрий Самарин и наше время»? В этой работе я многократно ссылался на книгу Б.Э. Нольде «Юрий Самарин и его время». Теперь же, как мне кажется, важнее найти Юрию Федоровичу современный контекст. – Почему он важен и нужен нам? Чему мы можем у него научиться? И т.д.

В своей известной полемике с А.Д. Градовским – полемике, исторически связанной с речью, произнесенной им на пушкинских торжествах лета 1880 г., – Ф.М. Достоевский противопоставил классическому для отечественной литературы (а значит, и для русского социума) типу «скитальцев (они же – «лишние люди») людей прямо противоположного склада. Это, по мнению писателя, – те, кто русскую землю обустроивает и русскую жизнь улучшает. Это – делатели, а не «отвлеченные болтуны... источающие гражданскую скорбь, это реформаторы, люди созидания и трезвого расчета». В качестве примера Достоевский назвал Ю.Ф. Самарина: «Самарин, а не ваши скитальцы». Позднее Л.Н. Тихомиров отчеканит эту мысль в формулу: «люди устройства и люди расстройства». Конфликт между ними по сей день не закончен. И сегодня «люди расстройства» жестко противостоят «людям устройства». В этой ситуации опора на Самарина укрепляет позиции устроительной партии.

Что касается строчки Николая Платоновича Огарева, то в ней фиксируется прокрестьянская позиция Самарина в ходе подготовки великой эмансипационной реформы. (Мы привыкли говорить: «Герцен и Огарев»). А последний сам по себе был недурным поэтом, автором нескольких пронзительных стихотворений. Но XIX век в России был столь богат на поэтические таланты, что их гигантские фигуры заслонили несколько чудных поэтов второго ряда, включая и Огарева.)

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 томах. – М. : Наука, 1981. – Т. 22. – 408 с.
2. Ключевский В.О. Сочинения : в 8-ми т. – М. : Госполитиздат, 1959. – Т. 7. – 487 с.
3. Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. – Париж : Soc. anonyme impr. de Navarre, 1926. – 245 с.
4. Русское общество 40–50-х годов XIX в. : в 2-х ч. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – Ч. 1 : Записки А.И. Кошелева. – 240 с.
5. Самарин Ю.Ф. Сочинения. – М. : Д. Самарин, 1877. – Т. 1 : Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. – 404 с.
6. Самарин Ю.Ф. Сочинения. – М. : Д. Самарин, 1878. – Т. 2 : Крестьянское дело до высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года. – 445 с.
7. Самарин Ю.Ф. Сочинения. – М. : Д. Самарин, 1887. – Т. 6 : Иезуиты и статьи богословско-философского содержания. – 563 с.
8. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений : в 8-ми т. – М. : Тип. И.Н. Кушнерев, 1902. – Т. 7. – 531 с.

9. Hücke G. Jurij Fedorovič Samarin. Seine geistesgeschichtliche Position und politische Bedeutung. – München, 1979. – 263 S.
10. Riasanovsky N.V. Russia and the West in the Teaching of Slavophiles : A Study of Romantic Ideology. – Cambridge : Harvard University Press, 1952. – 244 p.

YURIY PIVOVAROV

YURI SAMARIN AND OUR TIME

Abstract. *This text is dedicated to the outstanding thinker and reformer Yu. F. Samarin (1819–1876). The main focus is on his contribution to the preparation of the liberation of peasants from serfdom and the associated organization of local self-government. The work emphasizes the relevance of the figure of Samarin for our time.*

Keywords: *Samarin, emancipation of peasants, self-government, reform, community.*

И.И. ГЛЕБОВА

**ОТ РОССИИ ПЕТРОВСКОЙ – К РОССИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ :
О КУЛЬТУРНЫХ РАСКОЛАХ
И КУЛЬТУРНЫХ РЕВОЛЮЦИЯХ**

Аннотация. Этот текст – о типологии российских «транзитов» (из одного исторического времени – в другое). Автор указывает, что эти переходы происходят в России по революционному сценарию: связаны с расколом национальных сил на «старые» и «новые», их ожесточенным столкновением (своего рода культурной войной). Хрестоматийный пример – петровская революция, «большой скачок» из Руси московской, «старорежимной» в Россию нововременную, петербургскую. Типологически схожий конфликт традиционного и современного («традиционалистов» и «модернистов») мы видим на переходе в XX век – и в новый мир: индустриализма, урбанизма, масс. Но если в начале XVIII в. революционером выступала власть, то два столетия спустя – общество, желавшее стать главным режиссером русской современности. Петровская революция символически зашифрована в формуле «Петербург против Москвы». На рубеже XIX и XX столетий раскололась уже одна сущность («Петербург») – социальность, которая и явилась следствием той революции, была создана европейской культурной прививкой. «Петербург против Петербурга» – вот один из главных разломов, по которому прошла лава русской революции. Истоки же революционного конфликта следует искать в культуре. В ней всегда были сильны страсть к разрывам, расколам, нигилистический запал; модерн с его радикальным футуризмом усилил эти склонности, довел их до крайности. Вся метафизика революции общества, устремленного к новым социальным горизонтам, против «старой власти» (самодержавия) – отсюда.

Ключевые слова: революция, темпоральность, модерн, Петербург, самодержавие, общество, творчество, «новый человек», свобода.